

Вопросы ЭКОНОМИКИTM

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

**Всемирный экономический форум
о конкурентоспособности России**

Сколько стоят неработающие институты?

**Социальные итоги трансформации,
или Россия двадцать лет спустя**

**Новая микроэкономика:
парадигма Самуэля Боулза**

8

2 0 1 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Вопросы ЭКОНОМИКИ TM

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1929 г.

август

8

2011

Редакционная коллегия

О. И. Ананьин, Р. С. Гринберг, Р. Н. Евстигнеев, Н. И. Иванова, А. Я. Котковский (заместитель главного редактора, врио главного редактора), **Я. И. Кузьминов, В. И. Маевский** (заместитель главного редактора), **В. А. Мау, Б. З. Мильнер, А. Д. Некипелов, Р. М. Нуреев, Г. Х. Попов, С. Н. Попов** (ответственный секретарь), **Вад. В. Радаев, А. Я. Рубинштейн, В. К. Сенчагов, Д. Е. Сорокин, А. И. Татаркин, Е. Г. Ясин**

Международный совет журнала

Х. Канамори (Япония), **Гж. Колодко** (Польша), **Л. Конг** (Китай), **Р. Мартин** (Великобритания), **Дж. Миллар** (США), **К. Оппенлендер** (Германия), **Л. Чаба** (Венгрия), **М. Элман** (Нидерланды), **М. Эмерсон** (Великобритания)

УЧРЕДИТЕЛИ:

НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»,
Институт экономики РАН

МОСКВА

CONTENTS

COMPETITIVENESS AND INSTITUTIONS

From Redistributing Wealth to Creating Prosperity in the Russian Federation: Findings from the Global Competitiveness Index (<i>The Russia Competitiveness Report 2011. Ch. 1.1 /</i> <i>World Economic Forum, Eurasia Comtetiveness Institute</i>)	4
N. Akindinova, S. Aleksashenko, A. Petronevich, M. Petronevich – How Much Do Non-performing Institutions Cost?	41
A. Bulatov – Russia in International Capital Movement: Comparative Analysis	66

ECONOMY AND SOCIETY

E. Yasin, G. Andryushchak, A. Ivanter, N. Kosareva, L. Ovcharova, A. Ponomarenko, V. Fadeev – Social Results of Transformation, or Twenty Years after	77
V. Tambovtsev – Financial Crisis and the Prospects of Global Regulation	97
Yu. Shvetsov – The Theory and Methodology of Budget as Public Property	106

DISCUSSING «MICROECONOMICS» BY S. BOWLES

L. Polishchuk – On the New Book in Microeconomics by S. Bowles	115
D. Raskov – Institutional Turn in Microeconomics?	122
L. Grebnev – On Samuel Bowles Paradigm	130

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Bulatov A.S. National Economy: Teaching Aid	142
The History of Economy and Economic Thought of Russia: A Textbook / G.G. Bogomazov, I.A. Blagikh; Econom. faculty, SPbSU; G.G. Bogomazov (ed.)	148

SCIENTIFIC LIFE

Problems of Political Economy (<i>On the Scientific Conference</i> <i>«Is There Room for Political Economy in Modern Economics»</i>)	151
Abstracts	156

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ИНСТИТУТЫ

От перераспределения благ к созданию процветания: выводы из Индекса глобальной конкурентоспособности (из доклада Всемирного экономического форума и Евразийского института конкурентоспособности)	4
Н. Акиндинова, С. Алексахенко, А. Петроневиц, М. Петроневиц — Сколько стоят неработающие институты?	41
А. Булатов — Россия в международном движении капитала: сравнительный анализ	66

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Е. Ясин, Г. Андрущак, А. Ивантер, Н. Косарева, Л. Овчарова, А. Пономаренко, В. Фадеев — Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя	77
В. Тамбовцев — Финансовый кризис и перспективы глобального регулирования	97
Ю. Швецов — Теория и методология бюджета как общественного достояния	106

ОБСУЖДАЕМ «МИКРОЭКОНОМИКУ» С. БОУЛЗА

Л. Полищук — О новой книге С. Боулза по микроэкономике	115
Д. Расков — Станет ли микроэкономика институциональной?	122
Л. Гребнев — О парадигме Самуэля Боулза	130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Булатов А. С. Национальная экономика: учебное пособие	142
История экономики и экономической мысли России: учебник / Г. Г. Богомазов, И. А. Благих; экон. факультет СПбГУ; под общ. ред. Г. Г. Богомазова.	148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Проблемы политической экономии (о научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке»)	151
--	-----

Аннотации к статьям номера (на английском языке)	156
Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики»	159

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ИНСТИТУТЫ

От перераспределения благ к созданию процветания: выводы из Индекса глобальной конкурентоспособности (из доклада Всемирного экономического форума и Евразийского института конкурентоспособности) 4

Н. Акиндинова, С. Алексахенко, А. Петроневиц, М. Петроневиц — Сколько стоят неработающие институты? 41

А. Булатов — Россия в международном движении капитала: сравнительный анализ 66

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Е. Ясин, Г. Андрущак, А. Ивантер, Н. Косарева, Л. Овчарова, А. Пономаренко, В. Фадеев — Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя 77

В. Тамбовцев — Финансовый кризис и перспективы глобального регулирования 97

Ю. Швецов — Теория и методология бюджета как общественного достояния 106

ОБСУЖДАЕМ «МИКРОЭКОНОМИКУ» С. БОУЛЗА

Л. Полищук — О новой книге С. Боулза по микроэкономике 115

Д. Расков — Станет ли микроэкономика институциональной? 122

Л. Гребнев — О парадигме Самуэля Боулза 130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Булатов А. С. Национальная экономика: учебное пособие 142

История экономики и экономической мысли России: учебник / Г. Г. Богомазов, И. А. Благих; экон. факультет СПбГУ; под общ. ред. Г. Г. Богомазова. 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Проблемы политической экономии (о научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке») 151

Аннотации к статьям номера (на английском языке) 156

Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики» 159

СОЦИАЛЬНЫЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ*

Попытки дать количественную оценку изменения базовых параметров уровня жизни в России за период с начала проведения в нашей стране рыночных реформ предпринимались неоднократно, но полученные результаты нельзя назвать удовлетворительными. Отчасти это связано с эмоциональной и идеологической составляющими вопроса, но главную сложность представляют все же методологические и информационные аспекты.

Вопрос о том, как трактовать понятие «уровень жизни», занимал умы ведущих философов, начиная с Аристотеля; множество определений этой категории до сих пор обсуждается в литературе. Но ни одно из этих определений не способно выступить в качестве универсального, каждое из них представляет различные философские и практические подходы. В «Докладе об измерении экономического развития и социального прогресса»¹, подготовленном комиссией Дж. Стиглица, отмечается, например, что свою состоятельность доказали три основных концептуальных подхода: первый основан на представлении о субъективном благополучии, второй — на представлении о располагаемых возможностях, третий — на экономических концепциях благосостояния и справедливого распределения.

Традиционный подход к измерению благосостояния, которого придерживаются большинство экономистов, основан на измерении и сопоставлении имеющихся в распоряжении индивидов товаров и услуг (в денежной или натуральной форме), которые они потребляют. Именно этот подход составил основу нашего исследования. При этом мы вполне осознавали тот факт, что жизнь большинства в России в конце 2000-х годов стала не столько лучше или хуже жизни конца 1980-х годов, сколько она стала другой.

* Статья подготовлена коллективом авторов в составе: Е. Ясин (проф., научный руководитель НИУ ВШЭ), Г. Андрущак (к.э.н., завлабораторией анализа и моделирования институциональной динамики НИУ ВШЭ), А. Ивантер (зам. гл. редактора журнала «Эксперт»), Н. Косарева (к.э.н., президент Фонда «Институт экономики города»), Л. Овчарова (к.э.н., замдиректора НИСП), А. Пономаренко (к.э.н., завкафедрой национальных счетов и макроэкономической статистики НИУ ВШЭ), В. Фадеев (гл. редактор журнала «Эксперт») на основе доклада: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др., рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г.

¹ *Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // Documents de Travail de l'OFCE / Observatoire Français des Conjonctures Économiques (OFCE). 2009. No 2009-33.*

Сопоставление уровней и структуры стоимостных показателей

На первом этапе нашего исследования были рассчитаны несколько вариантов показателей, описывающих общий уровень текущего потребления России. *Первый, традиционный вариант* основан на анализе данных о реальных денежных доходах, которые не учитывают доходы в натуральной форме, потребление продукции собственного производства и скрытые доходы. *Второй вариант* расчета был сделан с использованием показателей СНС — расходов домашних хозяйств на конечное потребление. Оба варианта расчета косвенно оценивают потребление и показывают, что благосостояние населения России сократилось в 1990-е годы и восстановилось в начале 2000-х годов. К концу рассматриваемого периода средний уровень потребления был выше исходного. В первом случае превышение составило порядка 30%, во втором — показатель 2009 г. превысил аналогичный показатель 1988 г. более чем вдвое.

Логично было бы предположить, что разница объясняется именно включением в показатели СНС дополнительных компонентов. Но проблема глубже. Дело в том, что статистика начала 1990-х годов, особенно статистика цен, не вполне надежна из-за резких колебаний цен и необходимости строить цепные индексы цен, чтобы учесть их динамику за 20 лет. В обоих описанных нами методах применялось цепное дефлирование. Поэтому, к сожалению, нельзя быть полностью уверенными в полученных результатах. Естественно, полученные вторым методом цифры, показывающие незначительное снижение уровня жизни в 1990-е годы и затем удвоение показателей к 2009 г. по сравнению с 1988 г., вызывают серьезные сомнения. Тем не менее они численны с выполнением всех формальных требований статистической науки.

Чтобы более точно определить, насколько к концу 2000-х годов уровень доходов/расходов населения России превысил уровень конца 1980-х — начала 1990-х, воспользуемся методами, основанными на сопоставлении крайних точек, то есть откажемся от построения динамических рядов. Таким образом, возможно, нам удастся нивелировать невысокое качество статистики начала 1990-х годов, включая ошибки, накопленные при дефлировании цепных индексов цен за длительные периоды при весьма резких колебаниях цен.

Изменение структуры ВВП косвенно подтверждает вывод о том, что расходы на конечное потребление домашних хозяйств сокращались в 1990-е годы медленнее, чем ВВП в целом. Данные об изменении структуры ВВП России конца 1980-х — начала 1990-х гг. приведены в опубликованных результатах японского проекта по исторической статистике². Доля расходов на конечное потребление в ВВП сильно выросла — с 67% в 1989 г. до 74% в 2009 г. При этом повышение доли конечного потребления в ВВП обусловлено ростом расходов домашних хозяйств, поскольку удельный вес расходов государства и некоммерческих организаций в ВВП упал. Это естественно, во всяком случае, для периода трансформационного кризиса (1992—1998 гг.), когда насе-

² См.: Russian Economic Statistics in Historical Perspectives. Tokyo: An International Workshop, 2000; Пономаренко А. Н. Ретроспективные национальные счета России. 1961—1990. М.: Финансы и статистика, 2002.

ление старалось сохранить текущий уровень потребления. Но в период восстановительного роста (1999–2008 гг.) домашние хозяйства не только поддерживали текущее потребление, но и в значительной степени изменили образ жизни. Одновременно возросло недоверие к государству, что проявилось в снижении уровня накопления и долгосрочных инвестиций.

Структура доходов населения также указывает на отсутствие резкого падения уровня жизни. В первые годы становления российской рыночной экономики произошел взрывной рост предпринимательских доходов и доходов от собственности, доля которых в общем объеме доходов достигала 20%. Доступ населения к этим источникам денежных поступлений стал главным позитивным эффектом рыночных преобразований и обеспечил, несмотря на более чем двукратное падение реальных денежных доходов, лояльность населения к проводимым реформам.

Исследователи журнала «Эксперт» использовали третий вариант расчетов, схожий с применяемым при проведении международных сопоставлений на основе паритетов покупательной способности³.

Для сравнения был выбран последний полный советский год — 1990-й. В качестве информации о ценах взяты данные Госкомстата СССР и Росстата, всего 133 позиции, включая товары и услуги, сгруппированные по основным функциональным позициям.

Сначала был рассчитан индекс цен по каждому товару. Затем индексы агрегированы по группам товаров и услуг. Индекс изменения покупательной способности среднемесячного дохода получен агрегированием групповых индексов с использованием долей этих групп в общем потреблении. Для взвешивания использован так называемый индекс Фишера, то есть средний из двух, один из которых рассчитан по структуре потребления 1990 г., другой — 2008 г.

Расчет указанным способом показывает рост покупательной способности среднемесячного дохода в 2008 г. на 45% к уровню 1990 г. Иными словами, результат находится ниже середины интервала, полученного при восстановлении рядов динамики макроэкономических показателей доходов и расходов. Это выглядит реалистично и хорошо согласуется с изложенными выше результатами, поскольку выбранная исследователями «Эксперта» величина среднего дохода не включает до-счетов (доходы в натуральной форме, скрытые доходы и т. д.), которые принято включать в соответствующие показатели по методологии СНС.

Помимо общего вывода о почти 50-процентном росте реального среднедушевого дохода были получены и другие интересные результаты. На рисунке 1 приведены данные об изменении покупательной способности среднего дохода по группам товаров. Разброс индекса покупательной способности — от 3,2 для сигарет до 0,33 для жилищно-коммунальных услуг — означает, что изменение относительных цен достигало 9,7 раза.

Из данных рисунка 1 можно понять, за счет чего возросла покупательная способность «среднего» российского гражданина. Лидерство сигарет, алкоголя и автомобилей в относительном удешевлении за-

³ При этом подходе покупательная способность денежной единицы оценивается по количеству продуктов и услуг, которые могут быть куплены при существующем уровне цен и определенной структуре расходов. Особенность в том, что сравнивались не цены различных стран, а цены в России в 1990 и 2008 гг.

**Индексы изменения покупательной способности
среднедушевого дохода за 1990—2008 гг.
по видам потребительских благ и услуг**

Источник: расчеты исследовательской группы журнала «Эксперт» по данным Госкомстата СССР и Росстата.

Рис. 1

ставляет отметить «подростковый», по выражению исследователей «Эксперта», характер российской экономики: пить, курить и гонять на автомобиле (отечественном) теперь значительно дешевле. Водка стала одним из лидеров относительного удешевления: в 2008 г. на средний месячный доход можно было купить 171 поллитровую бутылку водки, а в 1990 г. — лишь 33 бутылки (изменение в 5,2 раза).

Существенный вклад в рост покупательной способности вносят группы товаров «Одежда и обувь» и «Товары длительного пользования». По-видимому, основные факторы удешевления здесь — открытость экономической границы для импорта товаров длительного пользования и огромный рост курса национальной валюты по сравнению с 1990 г.

Продовольствие, напротив, не дает положительного вклада в рост покупательной способности населения. Хотя на сегодняшний доход можно купить в 1,26 раза больше еды, чем в 1990 г., этот индекс ниже индекса роста покупательной способности дохода (1,45), что означает относительное удорожание продуктов питания.

Значительно подорожали муниципальный транспорт и услуги, особенно связанные с активным образом жизни — кино, театр, кафе, туризм.

Сильнее всего подорожало обслуживание жилья и коммунальные услуги. Жилищно-коммунальные услуги (набор из шести базовых услуг) стали в 3 раза менее доступны. Напомним, что эти услуги в значительной степени дотировались в советское время, поэтому рост затрат на них был неизбежен; кроме того, он был в значительной степени связан с увеличением фактического объема их потребления.

Изменилась структура потребительских расходов домохозяйств. Доля расходов на продукты питания (без алкоголя) незначительно снизилась — с 31,5% в 1990 г. до 29,1% в 2008 г.; в конце 1990-х годов этот показатель доходил до 52%. Доля расходов на непродовольственные товары снизилась сильнее (с 45,8 до 40,9%), что неудивительно, учитывая повышение их ценовой доступности.

Наиболее важным изменением следует считать рост доли расходов на оплату услуг. Если в 1990 г. она составляла 13,1% потребительских расходов, то в 2008 г. — 25,5%. Значительно выросла доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг — с 3,1% в 1990 г. до 7,7% в 2008 г. Доля расходов на оплату услуг пассажирского транспорта выросла с 2,6 до 3,1%, а муниципальный транспорт подорожал в несколько раз.

Метод оценки уровня благосостояния по покупательной способности среднего дохода не может считаться чисто макроэкономическим, но имеет ряд существенных преимуществ перед прочими:

- он основан на расчетах доступности потребления — сколько товаров и услуг можно купить на некую среднюю заработную плату — и широко используется в статистических исследованиях уровня жизни;
- здесь не применяются цепные индексы цен, которые были крайне ненадежны, во всяком случае в начале 1990-х годов;
- индекс интуитивно понятен.

В таблице 1 приведены результаты оценки изменения уровня жизни российских домашних хозяйств за последние 20 лет, полученные тремя методами.

Эти данные касаются текущего потребления. (Соответственно оценка потребления жилищных услуг присутствует здесь только в объеме жилищно-коммунальных платежей.) Результат показывает, что вопреки мнению многих в среднем уровень жизни за этот период не снизился по сравнению с советским временем, а вырос почти в 1,5 раза. При этом объем ВВП 2009 г. по сравнению с 1991 г. увеличился примерно на 8%. Рост уровня жизни обусловлен снижением доли накопления и аномальным ростом цен на экспортируемые углеводороды.

Таблица 1

**Изменение уровня жизни домашних хозяйств России
в 1989—2009 гг.**

Метод	Рост, в % к 1989 г.
Метод реальных денежных доходов	127,2
Метод системы национальных счетов	209,2
Метод оценки покупательной способности среднего дохода (2008 г.)	145,0

Источник: расчеты авторов.

Надо учитывать, что в 1990-х годах Россия пережила тяжелейший трансформационный кризис, но в итоге обеспечено равновесие спроса и предложения, сложилась структура рыночной экономики. Рыночная экономика тем самым оправдала себя. В меньшей степени это обстоятельство можно отнести на счет экономической политики.

**Сопоставление натуральных показателей
благосостояния и образа жизни**

Натуральные показатели отличаются от стоимостных показателей тем, что их нельзя напрямую агрегировать. Однако с их помощью

можно попытаться выяснить, что именно изменилось, в какую сторону и насколько.

Советские люди, строго говоря, не бедствовали. В СССР не было голода, население было обеспечено нерыночными услугами здравоохранения и образования, причем достаточно хорошего качества, и практически бесплатным жильем. Помимо того, в СССР не было безработицы. Зато был дефицит практически всех потребительских товаров, которые характеризовались невысоким качеством, вызванным отсутствием конкуренции.

Одна из задач нашего исследования заключается в том, чтобы показать, каким образом эта ситуация изменилась не только на уровне макроэкономики, но и на уровне понятных каждому натуральных показателей.

Продовольственные товары. Было бы неправильно говорить о недостатке продуктов питания или о голоде в России ни в 1989 г., ни в начале 1990-х годов (когда все показатели благосостояния резко упали и россияне сами стали больше производить продуктов питания для собственного потребления), ни в 2008 г.

Правильнее говорить о несбалансированном питании. Питание россиян не было сбалансированным ни накануне преобразований, ни в конце 2000-х годов. Между тем возросло потребление мяса, фруктов, а потребление картофеля, хлеба и сахара, напротив, снизилось. Снижение потребления рыбы можно считать ухудшением структуры питания (табл. 2). Вероятно, можно также говорить о росте качества потребляемых продуктов питания и о большей их доступности при отсутствии дефицита.

Т а б л и ц а 2

**Среднегодовое потребление
основных продуктов питания на душу населения (кг)**

Продукт	Россия		США	
	1989	2009	1989	2004
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо (без сала и субпродуктов)	69,0	73,5	113,0	120,0
Молоко и молочные продукты (включая животное масло) в пересчете на молоко	396,0	256,2	263,0	266,0
Яйца, шт.	309,0	211,0	229,0	256,0
Рыба и рыбопродукты в товарном весе	21,3	20,3	12,2	11,0
Сахар	45,2	31,4	28,0	28,0
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупа, бобовые)	115,0	99,3	100,0	90,0
Картофель	106,0	67,1	57,0	64,0
Фрукты и ягоды	35,0	63,9	95,0	121,0

Источник: данные Росстата.

Потребительские товары длительного пользования. В данный момент по обеспечению населения товарами длительного пользования (кроме автомобилей и компьютеров) Россия находится близко к уровню насыщения, и речь в дальнейшем может идти в основном о повышении качества этих товаров.

Интересно отметить, что объем продаж товаров длительного пользования достиг уровня 1990 г. только к 2000–2003 гг. Между тем 1990 г. люди воспринимали как год дефицита, а 2000 г. — как год изобилия. Это связано с появлением рыночной экономики и ценами равновесия, ограничивающими спрос, а также с ростом предложения товаров различных брендов на рынке и с появлением техники мирового качества. В 2000 г. было продано столько же товаров, сколько в 1990 г., но не дефицит стал тому виной — напротив, нехватка средств, сочетающаяся с большим выбором.

Потребление образовательных услуг. Поскольку до реформ жилье и образовательные услуги были бесплатными, необходимость платить за них после реформ истолковывается как фактор снижения уровня жизни населения в рыночной экономике.

Но за прошедшие 20 лет на всех уровнях образования, за исключением начального профессионального, наблюдается рост относительных затрат на одного обучающегося. Относительные⁴ затраты на воспитание ребенка в детском саду из бюджетных средств увеличились с 16 до 22%, а с учетом средств населения — до 27%. Относительные затраты на обучение в школе выросли более чем на 110% и к концу 2000-х годов составили 26%, если учитывать средства бюджета и населения. В системе начального профессионального образования относительные бюджетные затраты на одного обучающегося снизились с 32 до 26%, а совокупные относительные затраты в конце 2000-х годов составили 28%.

Под воздействием изменения предпочтений населения в системе профессионального образования существенно снизилась ориентация молодежи на начальное профессиональное образование, возрос интерес к высшему образованию. Но в условиях платного обучения параллельно шло снижение качества образования. К этому надо добавить, что кризис в промышленности уменьшил спрос на технические специальности, неизбежные структурные сдвиги приводили к значительным потерям.

Методики прямого сопоставления качества обучения в школе за прошедшие 20 лет не существует. Но международные тесты освоения базовых навыков и знаний свидетельствуют о росте результативности в начальной школе и о снижении — в средней. Рост популярности высшего образования привел к существенному увеличению удельного веса работников с высшим образованием в общей численности занятых. Одна из причин популярности высшего образования — высокая премия за образование, то есть прирост доходов в результате обучения в вузах: за 20 лет премия за высшее образование увеличилась почти в 3 раза. Отмеченные перемены говорят о многом. С одной стороны, семьи вынуждены с каждым годом все больше тратить на образование, что воспринимается как минус по сравнению с концом 1980-х годов. Но это также означает, что семьи готовы тратить средства на образование, а это, по нашему мнению, положительный факт. В сознании многих россиян произошел сдвиг в сторону понимания того,

⁴ Для обеспечения сопоставимости данных о стоимости обучения в конце 1980-х и в конце 2000-х годов затраты на одного обучающегося рассматривались по отношению к среднегодовой заработной плате в экономике (далее — относительные затраты).

что затраты на образование детей рассматриваются как инвестиции. Возможность тратить существенные средства на образование отражает общий рост благосостояния. Но все же надо осторожно относиться к этим признакам успеха.

Потребление услуг здравоохранения. На фоне появления новых возможностей лечения заболеваний финансовые условия получения медицинской помощи заметно ухудшились. Расходы государства (бюджет и обязательное медицинское страхование) в неизменных ценах устойчиво снижались и лишь в 2006 г. вышли на уровень 1994 г. (рис. 2). В последние годы государство сделало достаточно серьезные вложения в здравоохранение, но по отношению к ВВП эти расходы остаются практически на неизменном уровне и существенно уступают расходам западноевропейских стран (3,2% в 2009 г. по сравнению с 6–9% в большинстве стран ЕС).

Источник: расчеты С. В. Шишкина по данным Росстата и Федерального фонда ОМС с использованием индексов-дефляторов ВВП.

Рис. 2

Разнонаправленная динамика потребностей населения и государственного финансирования здравоохранения привела к тому, что располагаемые общественные ресурсы в расчете на случай заболевания за 1994–2005 гг. сократились на 10%. Нехватка государственных средств компенсировалась восьмикратным ростом частных расходов.

Столь значительный рост частных расходов отражает реакцию населения на предложение новых медицинских услуг и лекарственных средств. Для части населения с доходом выше среднего оплата медицинской помощи выступает средством получения более качественной медицинской помощи. Но развитие платной медицины в России существенно вышло за рамки социально приемлемого сочетания государственного и личного финансирования. Доля частного финансирования в расходах на медицинскую помощь в странах ЕС составляет 24%, а в некоторых европейских странах не превышает 10–15%. В России этот показатель находится на уровне 45–50%. При этом наибольшее бремя расходов на лечение вынуждены нести наименее обеспеченные группы населения: доля таких расходов

в доходах низшего квинтиля домохозяйств в 1,5 раза выше, чем в расходах высшего квинтиля.

В других постсоветских странах (Эстония, Чехия, Венгрия, Болгария, страны бывшей Югославии) возникли новые формы организации медицинской помощи, которые повысили ее доступность и качество. Например, возросла роль врача общей практики, возник частный сектор здравоохранения, усилилась преемственность лечения на разных уровнях оказания помощи, оптимизирована сеть больничных учреждений. В России этого не произошло.

Обеспеченность жильем. В СССР одним из наиболее очевидных дефицитов была нехватка жилья. К 2009 г. в стране проведены основные реформы в жилищной сфере, включая массовую бесплатную приватизацию жилья, сформирован достаточно развитый рынок жилья, развивается ипотечное жилищное кредитование. Тяжело идут реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства: снижаются размеры бюджетного дотирования при предоставлении жилищно-коммунальных услуг, а поддержку получают лишь семьи с наименьшими доходами; много нареканий вызывает передача управления многоквартирными домами объединениям собственников жилья и формирование рынка профессиональных управляющих компаний.

Оценка интегрального индекса динамики обеспеченности населения жильем, учитывающего количественные и качественные характеристики жилья, позволяет говорить о росте жилплощади в расчете на одного человека на 35% за рассматриваемый период.

Доли домохозяйств в 2009 г., которые выиграли или проиграли от изменения возможностей улучшить жилищные условия по сравнению с 1989 г., по нашим оценкам, примерно одинаковы — 20 и 17,5% всех домохозяйств соответственно. В числе проигравших в основном оказались домохозяйства с низким уровнем обеспеченности общей площадью жилья и низкими доходами, в числе выигравших — домохозяйства с более высоким уровнем обеспеченности и более высокими доходами.

Участие государства в улучшении жилищных условий граждан резко сократилось: если в 1989 г. доля очередников среди всех семей, улучшивших жилищные условия, составила 73%, то в 2009 г. — лишь 6,6%.

Соотношение доходов населения и цен на жилье изменилось. При использовании консервативных (наименьших) оценок цены жилья в 1989 г. (по сегментам, где существовали рыночные или квазирыночные отношения) расчеты показывают ухудшение указанного соотношения на 43% (соотношение доходов и цен в 2009 г. составило 0,57 от их соотношения в 1989 г.). Использование средних или верхних значений из имеющегося диапазона оценок рыночной цены жилья в 1989 г. показывает изменение указанного соотношения к 2009 г. в диапазоне 0,74—0,93.

Соотношение доходов населения и стоимости строительства индивидуального жилья ухудшилось, составив в 2009 г. 0,78 от соотношения в 1989 г. Но, правда, средний размер индивидуального жилого дома увеличился почти в 2 раза — с 70,6 до 135,9 кв. м.

Доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг в расходах домохозяйств в 2009 г. увеличилась примерно на $\frac{2}{3}$ от уровня 1989 г. Такое увеличение в значительной степени связано с ростом площади жилья. Между тем расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг за сопоставимую единицу жилья увеличились не более чем на 20%. В то же время для значительной части населения, основной источник доходов которого — зарплаты и пенсии, доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг за сопоставимую квартиру увеличилась примерно в 1,5 раза.

Таким образом, многие сопоставимые ключевые параметры потребления жилья населением изменились несущественно. Возможно, это объясняется тем, что развитие рыночных отношений в жилищной сфере лишь заместило «уход» государства из этой сферы. Шансы улучшить жилищные условия почти не изменились для 60% домохозяйств: ни в 1989 г., ни в 2009 г. у большей части домохозяйств не было реальной возможности улучшить жилищные условия; при этом количество выигравших и проигравших в результате перехода к рыночным отношениям, по нашим оценкам, пока примерно равное.

Приватизация. Вероятно, российская приватизация была проведена не самым правильным образом, но нельзя отрицать тот факт, что в ходе ее домашним хозяйствам были безвозмездно переданы активы астрономической стоимости. Квартиры, земля, доли в стоимости богатейших компаний, промышленных компаний и компаний, контролируемых крупнейшие в мире залежи полезных ископаемых, — все это стоит очень дорого, хотя не все понимали это в начале 1990-х годов.

Мы не говорим о социальной справедливости, но с точки зрения макроэкономики имел место величайший передел собственности, совершенный в пользу домашних хозяйств. Многие расстались со своей собственностью за бутылку водки, но были и такие, кто сказочно обогатился именно потому, что другие не осознавали настоящей стоимости доставшихся им активов. Речь может идти о несправедливом переделе собственности внутри сектора домашних хозяйств, но домашние хозяйства в целом статистически выиграли.

Денежные накопления. Склонность домашних хозяйств к сбережению выступает важной характеристикой уровня благосостояния. Принято считать, что эта склонность появляется у домашних хозяйств, если удовлетворены первостепенные потребности — в питании, одежде, лекарствах и т. д. В начале 1990-х годов вследствие гиперинфляции с накоплениями произошла настоящая катастрофа. Второй сильный шок сбережения испытали в 1998 г. В итоге если в 1994 г. для накопления население использовало 6,5% общего объема доходов, то к 1998 г. — только 1%. С 1999 г. эта доля увеличилась, но в 2008 г. вновь уменьшилась. Так, по данным выборочного обследования РМЭЗ⁵, лишь 4,3% семей смогут сохранить прежний уровень материального положения в течение полугода и более, если все члены семьи лишатся всех источников дохода. Еще приблизительно $\frac{1}{5}$ части домохозяйств накоплений хватит на несколько месяцев.

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения.

Большинство домашних хозяйств смогут прожить на накопления не более одного месяца.

Сводный индекс благосостояния

Обобщая приведенные выше рассуждения, дадим общую оценку изменения уровня благосостояния российского населения за 1990—2008 гг. Будем исходить из того, что уровень благосостояния складывается под влиянием трех основных факторов.

Возможность домашних хозяйств приобретать рыночные товары и услуги, предназначенные для конечного потребления, за счет собственных средств. В качестве индикатора изменения покупательной способности домашних хозяйств в части приобретения рыночных потребительских товаров и услуг использован индекс изменения покупательной способности среднедушевого дохода. Напомним, что этот индекс составил 1,45. Отметим также, что этот индекс включает рыночные услуги здравоохранения и образования, приобретаемые домашними хозяйствами за свой счет.

Возможность пользоваться нерыночными товарами и услугами, финансируемыми государством и некоммерческими организациями и предоставляемыми домашним хозяйствам бесплатно или почти бесплатно. Для измерения потребления индивидуальных нерыночных услуг (здравоохранение, образование и социальное обеспечение) мы рассчитали совокупные расходы государства на нерыночные индивидуальные услуги с учетом роста цен за прошедшие 20 лет. Наши расчеты показали, что государственные расходы снизились примерно на 7%.

На основании данных, полученных в результате японского проекта по исторической статистике, мы получили сумму расходов государства и некоммерческих организаций на оказание домашним хозяйствам России нерыночных индивидуальных услуг. Затем был рассчитан ВВП 2008 г. в ценах 1990 г. по опубликованным темпам его реального роста. После этого мы рассчитали расходы на нерыночные индивидуальные услуги государства в 2008 г. в ценах 1990 г., воспользовавшись оценкой ВВП 2008 г. в ценах 1990 г. и удельным весом этих услуг в ВВП по данным за 2008 г. Соотнеся уровни 1990 и 2008 гг. суммарных расходов государства и НКО на нерыночные индивидуальные услуги, предназначенные для конечного потребления домашними хозяйствами, мы получили индекс 0,93.

Возможность домашних хозяйств приобретать жилье. За рассматриваемый период жилье стало на 43% менее доступным для среднего жителя России⁶.

Сначала мы оценили возможности приобрести жилье, исходя из среднего дохода в 1989 и 2009 гг. В 1989 г. сумму, необходимую для покупки квартиры площадью 54 кв. м, можно было собрать за 2,6 года, если отказаться от всех других расходов, а на индивидуальный жилой дом площадью 100 кв. м средства можно было собрать за 3,9 года. Учитывая, что доля индивидуального жилищного строительства в общем количестве «улучшений жилищных условий» составляла 4,6%, средний показатель равен 2,66 года. Показатель для 2009 г. составил 4,64 года. Таким образом, индекс доступности жилья за этот период равен 0,57.

⁶ Расчеты соответствующего индекса выполнены коллегами из Института экономики города.

Сводный индекс благосостояния рассчитан как средний⁷ на основе перечисленных выше индексов (табл. 3). Индекс равен 1,32.

Т а б л и ц а 3

Сводный индекс благосостояния и его составляющие

Показатель	Содержание	Значение	Удельный вес фактора
Индекс изменения покупательной способности среднедушевого дохода	Изменение покупательной способности среднедушевого дохода в части приобретения рыночных товаров и услуг	1,45	0,80
Индекс расходов на нерыночные индивидуальные услуги	Изменение реальных расходов государства и некоммерческих организаций на нерыночные индивидуальные услуги	0,93	0,15
Индекс доступности жилья	Изменение покупательной способности среднедушевого дохода в части приобретения жилья и нового строительства	0,57	0,05
Сводный индекс благосостояния	Средневзвешенная величина из указанных выше индексов	1,32	

Источник: расчеты авторов.

Полученные результаты можно признать предсказуемыми: рыночные изменения привели к улучшению возможности приобретения большинства товаров и услуг за счет собственных средств домашних хозяйств, в то время как нерыночный сектор в лучшем случае стагнирует. Существенное снижение доступности жилья можно объяснить спецификой отрасли, поскольку здесь недоступен импорт и высока зависимость от коррупции.

Сводный индекс не может претендовать на исчерпывающее описание динамики фактического конечного потребления домашних хозяйств. В частности, он не учитывает потребление товаров и услуг, произведенных домашними хозяйствами для собственного потребления, а также возможное изменение доли скрытых доходов. Но главное: он не учитывает имущественного расслоения граждан России.

Неравенство

Когда мы говорим о среднем уровне доходов, расходов или потребления, то подразумеваем, что распределение домашних хозяйств по каждому из этих признаков подчиняется нормальному закону, то есть выявленные тенденции характерны для большинства членов общества. Иными словами, предполагается, что количественные характеристики уровня благосостояния определяются уровнем благосостояния среднего класса⁸. Если этого нет, если неравенство слишком велико и средние

⁷ Рассчитан по формуле Фишера, с использованием в качестве весов долей расходов домашних хозяйств на конечное потребление, совокупных расходов государства и НКО на нерыночные индивидуальные услуги, а также расходов домашних хозяйств на валовое накопление (показатель СНС) в суммарном объеме этих показателей в 1990 и 2008 гг.

⁸ В данном случае имеется в виду чисто статистическое представление о феномене среднего класса, то есть речь идет о совокупности домашних хозяйств, количественные характеристики уровня доходов и расходов которых близки к средним по совокупности.

статистические показатели уровня благосостояния не характерны для большинства домашних хозяйств, то такого рода средние крайне скептически воспринимаются общественным мнением (как «средняя температура по больнице»).

По официальным данным Росстата, в 2008 г. на 60% населения с наименьшими доходами приходилось 29,6% доходов, то есть примерно столько же (31,1% всех доходов), сколько на долю 10% наиболее богатых. При таком распределении не удивительно, что большинство населения России воспринимает официальные данные о среднем уровне доходов и потребления как вымысел недобросовестных статистиков. Это касается не только уровня благосостояния, но и его динамики. Средняя динамика доходов наиболее близка динамике четвертого квинтиля населения, 20-процентные группы с доходами ниже, чем у четвертой группы, характеризуются и значительно более низкими темпами роста доходов (рис. 3). Так, по показателю реальных денежных доходов домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 г. достигли уровня 1991 г., а домохозяйства из двух наиболее бедных групп по-прежнему находятся ниже данного уровня. Пятая, верхняя, 20-процентная группа, напротив, значительно оторвалась от остальных домохозяйств: ее доходы за рассматриваемый период выросли более чем в 2 раза.

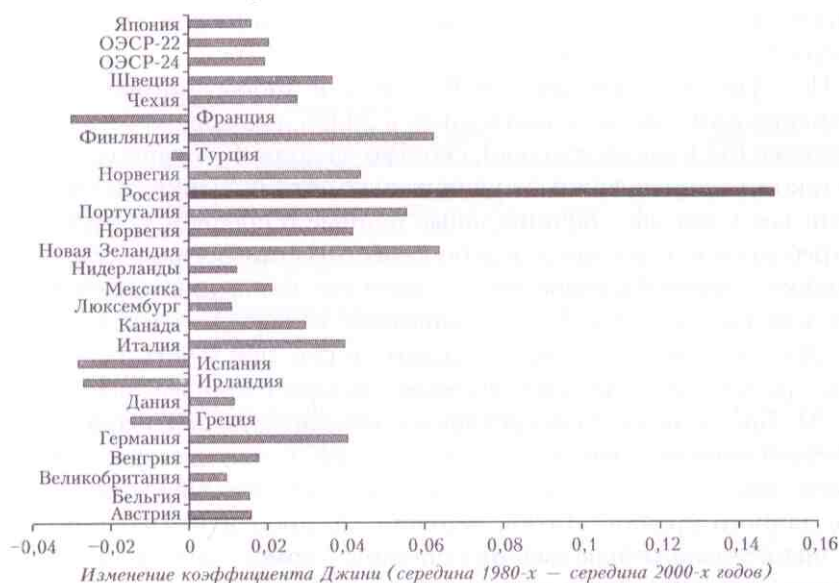
Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Рис. 3

Имущественное неравенство сегодня относится к наиболее важным проблемам современной России. Оно во многом сводит на нет экономические и социальные достижения последних лет. Конечно, имущественное неравенство не чисто российское явление. Более того, оно выступает экономической основой для формирования сбережений и инвестиций. Однако многие исследователи относят неравенство и, как производную от него, бедность к основным социально-экономическим рискам, порождаемым глобализацией⁹. Представленные на рисунке 4 оценки роста доходного неравенства показывают, что в период с се-

⁹ Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. L.; Basingstoke: MacMillan, 1990; Landes D.S. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 1998.

**Доходное неравенство (коэффициент Джини)
в странах — членах ОЭСР и России**

Примечание. Коэффициент Джини для России взят из официальной статистики, рассчитан на основе показателя душевых денежных доходов. Для стран — членов ОЭСР коэффициенты рассчитаны на основе показателей доходов с применением шкалы эквивалентности с коэффициентом эластичности 0,5. Показатель середины 1980-х годов равен показателю 1990 г.
Источник: данные Росстата и ОЭСР.

Рис. 4

редине 1980-х до середины 2000-х годов неравенство значительно выросло почти во всех странах-членах ОЭСР. Но рост дифференциации в России оказался гораздо выше даже аналогичных показателей стран Восточной Европы с переходной экономикой. Например, в Венгрии коэффициент Джини за 20 лет, начиная с середины 1980-х годов, вырос на 0,018 пункта, а в России на 0,149 пункта, при этом имущественное расслоение общества в России в преддверии реформ было менее значительным. На данный момент уровень неравенства в России выше, чем во всех странах Евросоюза и странах-членах ОЭСР, и сопоставим с показателями Турции и Мексики.

С проблемой дифференциации доходов тесно связана проблема бедности¹⁰. За период рыночных преобразований уровень доходов и уровень бедности значительно колебались. В 1992 г. 1/3 населения оказалась за чертой бедности, и дефицит доходов в это время составил 6% общего объема денежных доходов населения (рис. 5). Уровень бедности и дефицита денежного дохода снижался до экономического

¹⁰ В России уровень бедности равен доле населения с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ), который устанавливается на уровне минимальной потребительской корзины, рассчитанной нормативным методом. Для установления минимально возможного уровня жизни применяется подход абсолютной бедности, ориентирующийся на нормативы потребления важнейших благ и услуг на минимально допустимом уровне. Принципиально другой подход, ориентирующийся на преобладающий в обществе стандарт потребления, используется в европейских странах. Там линия бедности составляет 40–60% медианного дохода.

Уровень бедности в России, 1992—2009 гг.
(% от общей численности населения)

Источник: Росстат.

Рис. 5

кризиса 1998 г., а затем начал расти. Однако с 2001 г. наблюдается устойчивое снижение этих показателей: с 2000 до 2007 г. доля бедных сократилась более чем в 2 раза. Кризис 2008 г. меньше сказался на уровне бедности, чем кризис 1998 г. При сравнении данных за первые полугодия 2008 и 2009 гг. уровень бедности вырос с 14,7 до 15,0%. К началу II квартала 2010 г. доля бедного населения существенно уменьшилась и вернулась к докризисному показателю. Годовые данные позволяют сделать вывод, что в 2009 г. уровень бедности был минимальным за всю историю постсоветского периода.

Показатель уровня бедности прост в использовании и понимании, однако он не дает представления о том, *насколько* бедны те или иные группы населения. В таком случае более очевидную оценку динамики бедности дает показатель дефицита дохода, характеризующий ее глубину.

Российская макростатистика оценивает глубину бедности как сумму доходов, которую необходимо доплатить всем бедным, чтобы они перестали быть таковыми, в процентном выражении от объема доходов всего населения. С 1992 по 2009 г. дефицит доходов уменьшился в 4,5 раза, а уровень бедности снизился гораздо меньше.

Индикатор дефицита дохода важен для понимания роли и места мер социальной поддержки в общей стратегии содействия сокращению бедности. Доля пособий в структуре доходов населения сопоставима с данным показателем для стран Европы. Однако принципиальные различия выявляются в структуре пособий. В сложившейся системе социальной поддержки населения приоритетными продолжают оставаться выплаты в натуральной и денежной форме отдельным категориям граждан. В России доля пособий для бедных составляет небольшой процент от совокупного объема пособий. По данным Всемирного банка, в 2008 г. доля пособий, полученных наиболее бедным квинтилем населения нашей страны, составляла 29% всех пособий. Этот показатель для Албании, Косово и Черногории достигал 78, 73 и 64% соответственно. Степень адресности социальной помощи в отношении

бедных в России сопоставима с данными по Румынии (28%) и отстает от данных по Белоруссии (20%).

Чтобы понять, какие слои бедных со временем покидают эту группу, рассмотрим дефицит доходов на душу населения в месяц как долю от прожиточного минимума (ПМ). На протяжении 2000-х годов он колебался в пределах от 30,1 до 31,6% (табл. 4). Таким образом, сокращение доли населения с доходами ниже ПМ не приводит к уменьшению глубины бедности: категорию бедных покидают те, кто находится близко к черте бедности.

Т а б л и ц а 4

Дефицит доходов на душу населения в месяц, 2000—2008 гг.
(% от величины прожиточного минимума)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Дефицит доходов на душу населения в месяц как доля от ПМ	30,5	31,6	31,0	31,2	30,4	31,0	31,2	30,1	30,7

Источник: Росстат.

Профиль бедности показывает, для каких социально-демографических групп выше риски. Это можно оценить только на основе данных обследования домашних хозяйств. Приоритетными для политики, направленной на снижение бедности, должны стать такие меры, которые позволили бы вывести из числа бедных наиболее многочисленные семьи, а также наиболее бедные домохозяйства¹¹. Максимальным риск бедности будет для семей с детьми в возрасте до 16 лет, причем с ростом числа детей в домохозяйстве риск бедности увеличивается. Чаще в число бедных попадают неполные семьи с детьми. В общей численности бедного населения широко представлены низкооплачиваемые работники, безработные, экономически неактивные, получатели социальных пенсий и пенсий по инвалидности. В два раза чаще в числе бедных оказываются сельские жители.

Но не только бедность производна от неравенства. Для понимания перспектив экономического развития очень важен вопрос о возможностях увеличения среднего класса, как главного фактора модернизационного постиндустриального перехода. Исследования, проведенные с участием авторов¹², показывают, что за годы экономического роста не произошло расширения среднего класса, численность которого в начале 2000-х оценивалась на уровне 20% от общего числа домохозяйств. В составе среднего класса ухудшились позиции профессионалов, но выросла значимость бюрократии при существенном повышении ее благосостояния. А страта интеллектуалов скорее относится к прото-среднему, нежели к среднему классу.

¹¹ Теслюк Э., Овчарова Л. Бедность и неравенство в России: зависимость статистических показателей бедности и неравенства от метода измерения благосостояния домашних хозяйств. Иллюстрация на основе данных НОБУС / Под общ. ред. Р. Емцова. М.: Алекс, 2007. С. 17–19; Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Под ред. Л. Н. Овчаровой; НИСП. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005; Н. В. Зубаревич и др. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под ред. Т. М. Малевой; НИСП. М.: НИСП, 2007.

¹² Авдашева С. Б., Малеева Т. М., Овчарова Л. Н. и др. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Эконом-Информ, 2008.

Международное сопоставление уровня благосостояния

В предшествующих сопоставлениях в качестве базы были приняты несколько лет, предшествовавшие активной экономической трансформации. У этого способа есть один недостаток: базовый период и сравниваемый с ним могут стать качественно несопоставимыми. Если речь идет о сопоставлении качества жизни в дореформенной и современной России, то это противоречие может привести к простой констатации: мы стали жить не лучше и не хуже, мы стали жить по-другому. Таким образом, сравнивая Россию 2009 г. с Россией 1988 г., мы упускаем из виду, что весь остальной мир за это время ушел вперед. А это уже проблема международных сопоставлений.

Международные сопоставления обычно проводятся на основе сопоставления объемов ВВП, а также по основным его агрегатам, включая показатель фактического конечного потребления на душу населения. Иными словами, в результате осуществления Программы международных сопоставлений ООН (ПМС) имеется динамический ряд, который позволяет судить о том, как меняется уровень жизни в России относительно уровня жизни в других странах (сопоставления можно проводить с любой страной или группой стран из перечня участвующих в программе). Однако имеющийся ряд результатов ПМС ООН слишком короткий (данные для России с 1993 г.), чтобы ответить на вопрос, ближе мы стали к международному эталону по сравнению с дореформенным периодом или отделились от него.

Но, к счастью, сопоставления на основе паритета покупательной способности в СССР проводились в рамках СЭВ¹³ с 1959 г. Их общая методология была в целом схожа с применяемой в настоящее время в ПМС ООН. На основании этих данных были проведены сопоставления уровня жизни в России и некоторых странах — бывших членах СЭВ.

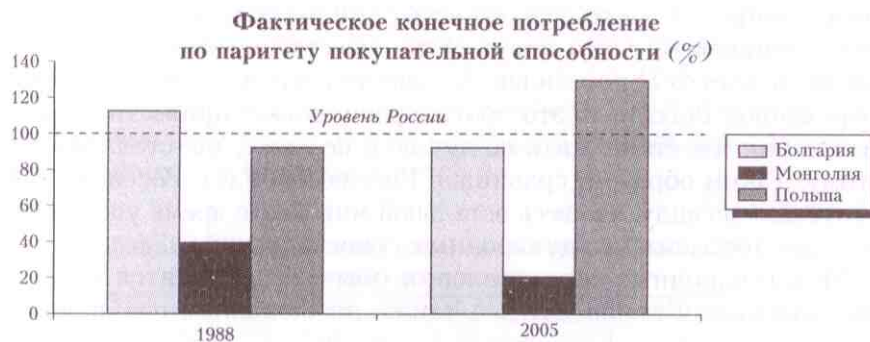
Для этого пришлось решить несколько важных методологических и практических проблем. В сопоставлениях СЭВ участвовал СССР, а не Россия. Поэтому для обеспечения сопоставимости между дореформенными и постреформенными рядами требуется увязать макроэкономические показатели России (РСФСР) и СССР. Мы использовали статистические данные соответствующих лет и рассчитали коэффициенты перехода для соответствующих показателей. Например, национальный доход на душу населения в РСФСР был на 19% выше, чем соответствующий показатель в СССР. При этом мы предполагали, что покупательная способность и структура национального дохода в СССР и РСФСР сопоставимы.

Сопоставления СЭВ проводились на основании принятого в статистике социалистических стран того времени показателя национального дохода, а в ПМС ООН используется показатель ВВП и его агрегаты, в том числе показатель фактического конечного потребления. Эксперты СЭВ провели сопоставления по некоторым странам на основе показателя «Общее потребление населением материальных благ и нематериальных услуг». По описанию этот показатель полностью совпадает с показате-

¹³ В частности, в нашем распоряжении имеются данные по результатам международных сопоставлений в рамках СЭВ за 1988 г. Имея эти данные, можно достроить динамический ряд и выяснить, насколько изменился относительный уровень жизни населения России по сравнению с другими странами, прошедшими, как и она, трансформационный период.

Результаты ПМС СЭВ никогда прежде не публиковались в полной мере в открытой печати и имели гриф «Для служебного пользования». Поэтому можно не сомневаться в их объективности.

лем фактического конечного потребления домашних хозяйств СНС. Консультации с бывшими экспертами СЭВ, принимавшими участие в этой работе в 1980-е годы, подтвердили, что данный показатель был специально введен в программу для обеспечения в дальнейшем возможности сравнений с ПМС ООН.

Источники: Росстат, СЭВ, расчеты авторов.

Рис. 6

Как видим из рисунка 6, Россия прошла трансформацию к рыночной экономике успешнее Болгарии и Монголии, но хуже Польши. Конечно, полученные результаты интересны и важны, но желательно сравнить показатели России с показателями США.

Поскольку Польша участвовала в программах международных сопоставлений с западными странами, было решено использовать ее в качестве своеобразного моста для сопоставления показателей России и США (см. табл. 6). Для этого были проведены дополнительные расчеты: 1) перешли от 1985 г. (год раунда ПМС ООН) к 1988 г. (год сопоставлений СЭВ) путем сопоставления темпов роста физического объема ВВП РСФСР и Польши; 2) рассчитали соотношение показателей фактического конечного потребления и ВВП в польской экономике и распространили его на Россию. Недостающую информацию по раунду международных сопоставлений 1985 г. предоставил Всемирный банк. Темп роста ВВП России был оценен на основании данных японского проекта по исторической статистике¹⁴.

Таблица 6

Индекс физического объема экономики России по ППС
(в %, США = 100%)

Индекс	1988	1993	1999	2002	2005	2009
ВВП на душу населения	37	20	18	22	25	40
Фактическое конечное потребление на душу населения	22	17	15	16	28	—

Источники: Росстат, расчеты авторов.

* * *

В данной статье и докладе, положенном в ее основу, содержится решение крайне сложной задачи: *примерно* сопоставить уровни благосостояния населения России до начала реформ и сейчас, после

¹⁴ См.: Пономаренко А.Н. Указ. соч.

20 лет глубоких преобразований, смены социально-экономической системы. Слово «примерно» можно приставить к любой из приведенных в докладе цифр. Но порой примерная оценка или несколько независимых оценок, полученных разными методами, вызывают больше доверия, чем цифры с пятью знаками после запятой.

Упадка среднего уровня благосостояния населения России по сравнению с предреформенным уровнем сегодня нет. Напротив, после тяжелейшего кризиса восстановились масштабы экономики, а уровень жизни в целом заметно вырос.

Опережение роста благосостояния по сравнению с ростом ВВП объясняется, в частности, увеличением доли потребления и сокращением доли накопления в ВВП примерно на 10 п.п. Хотя для повышения темпов экономического роста желательно увеличить накопление до 25% ВВП, все же эти структурные изменения не следует трактовать однозначно отрицательно, например как «проедание» народом своего будущего (так выразился один из авторитетных экспертов). В советское время состав предлагаемой для потребления продукции определялся не спросом, а планом, а формула инвестиционного режима предполагала максимальное увеличение капитальных вложений при их низкой эффективности.

Рыночные реформы должны были привести к инвестиционной формуле максимальной эффективности при ограничении капитальных затрат. Нельзя сказать, что такая замена произошла. Но затраты снизились хотя бы потому, что инвестиции в значительной мере стали частными, а их лучше считают. Что касается эффективности, то убедительных доказательств ее существенного роста пока недостаточно.

Сегодня высказываются сомнения в том, есть ли в России рыночная экономика. Как показывает проведенный анализ, рыночная экономика в России стала фактом. Мы вышли из тупика планово-распределительной экономики и вернулись на магистральную траекторию мирового развития.

Высказываются утверждения, что путь реформ был слишком тяжелым, что их стратегия не была верной и следовало, скажем, выбрать более умеренную стратегию, пусть и требовавшую большего времени. Сейчас, видимо, этот спор уже не удастся решить, каждый останется при своем мнении. Но удовлетворение вызывает то, что важная, самая неблагодарная, но необходимая часть работы выполнена. Можно принять за решение других, тоже сложных, но конструктивных задач.

Сейчас наряду с официальным оптимизмом все больше распространяются апокалипсические заключения и прогнозы. В этой ситуации мы считаем особенно своевременными взвешенные оценки исторических перемен в нашей стране.

За последние 20 лет произошли важные изменения в структуре потребления и в образе жизни россиян. Доля расходов на покупку товаров и услуг снизилась от 75,3 до 69,5%, сократилась доля натуральных поступлений. Тем самым можно констатировать рост рыночных, денежных отношений.

Наблюдается дальнейший процесс маркетизации приобретения жилья, услуг образования и здравоохранения, несмотря на обязательства государства по обеспечению бесплатности по крайней мере пос-

ледних двух отраслей. В вузах за счет собственных средств в 2009 г. обучалось 55% студентов, тогда как в 1990 г. таковых практически не было. Частные расходы населения на медицинские услуги составляют сегодня, по приблизительным оценкам, до 50% объема государственных расходов на здравоохранение. Собственно, спросом населения и его расходами по этим направлениям во многом объясняются структурные изменения в уровне и образе жизни наших граждан. В целом эти изменения следует оценивать положительно: хотя расходы населения росли, замещая недостаток государственного финансирования, шел необратимый процесс все большего удовлетворения спроса населения.

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой. Суть ее в том, что бесплатно, то есть за счет средств государства или корпораций, потребности населения не удовлетворить. Как и на другие товары, спрос должен ограничиваться ценой, то есть расходами покупателя. Если у нас рыночная экономика, то ее законы должны учитываться везде. Это не означает, что обязательства бесплатности следует отменить. Но они должны быть ограничены, например в медицине, программой бесплатной медицинской помощи, в образовании также должны быть определенные ограничения. Но следует учесть, что здравоохранение создает почти неограниченный спрос и может быть мощным драйвером всей экономики, действуя в тесном контакте с медицинским страхованием. Образование нужно и гражданам, и обществу. Квалифицированный труд в соответствии со спросом на рынке труда плюс подбор и продвижение талантов становятся все более важным фактором роста производительности, питаемого инновациями и их распространением. Здесь участие государства в расходах, видимо, должно быть выше.

Зрелость рыночной экономики определяется возможностью подавляющего большинства населения рассчитывать на доходы, позволяющие приобретать желаемое жилье, качественные услуги здравоохранения и образования. Не по лимитам, а в основном за деньги, с помощью кредита и страхования.

Принципиальной проблемой для российской экономики и всего общества остается сложившийся уровень неравенства. Мало повысить уровень благосостояния в среднем, нужно добиться его оптимального распределения. Высокий уровень неравенства, тем более растущий, обуславливает недоверие в обществе и может угрожать стабильности.

Значимое повышение оплаты труда в бюджетной сфере, как наиболее доступном объекте управления, в сочетании с мерами по увеличению эффективности и сокращению числа работников представляется необходимыми. Это приведет к росту средних зарплаток в экономике, которые отталкиваются от нижнего уровня в бюджетной сфере. Это будет непростое испытание для бизнеса, которому придется изыскивать средства, в том числе на меры по повышению производительности труда и внедрению новой техники.

В целом результаты исследования оказались лучше, чем мы ожидали. Открылись многообещающие направления новых исследований. Надеемся, что у читателей сложилось аналогичное впечатление, и мы увидим со временем немало новых интересных исследований, развивающих намеченные здесь темы.